

УДК 316.334.55:316.7

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бразжник Г.В.

ФГБОУ ВПО «Белгородская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Я. Горина»,
п. Майский, e-mail: bsaa-brazhnik@mail.ru

В данной статье рассмотрены проблемы российского села на современном этапе развития. Выявлено, что в результате радикальных изменений социокультурного контекста происходит разрушение социального капитала, который во все времена воплощал реальные потенциальные возможности сельских жителей. Исследованы различные подходы к определению социального капитала, а также взаимосвязь между социальным и человеческим капиталом. Проанализированы характерные черты социокультурного пространства современного российского села, оказывающего деструктивное воздействие на процесс воспроизводства социального капитала. Представлены результаты исследования проблем отношений между людьми на селе в Белгородской области. По результатам исследования выявлено, что социальные связи и отношения в сельском сообществе носят нестабильный, мозаичный характер, отличаются непрочностью и, в большинстве случаев, обесценены. В статье определен ряд причин, препятствующих возможности наращивания социального капитала на селе. Охарактеризован комплекс мер, обеспечивающих возврат к традициям солидарности и воспроизводства социального капитала современного крестьянства.

Ключевые слова: сельские жители, человеческий капитал, социальный капитал, воспроизводство социального капитала, социокультурное пространство, солидарность, социальная солидарность, социальные связи, социальные услуги населению

PROBLEMS OF REPRODUCTION OF THE HUMAN CAPITAL OF RURAL SOCIETY IN MODERN RUSSIA: SOCIOLOGICAL ASPECT

Brazhnik G.V.

Belgorod state agricultural Academy Y.A. Gorin, p. Mayskiy, e-mail: bsaa-brazhnik@mail.ru

In this article problems of the Russian village at the present stage of development are considered. It is revealed that as a result of radical changes of a sociocultural context there is a destruction of the social capital which embodied at all times real potential opportunities of villagers. Various approaches to definition of the social capital, and as interrelation between the social and human capital are investigated. Characteristic features of sociocultural space of the modern Russian village making destructive impact on process of reproduction of the social capital are analysed. Results of research of problems of human relations in the village in the Belgorod region are presented. By results of research it is revealed that social communications and the relations in rural community have unstable, mosaic character, differ fragility and, in most cases, are depreciated. In article the variety of reasons, interfering possibility of building of the social capital in the village is defined. The package of measures, providing return to traditions of solidarity and reproduction of the social capital of the modern peasantry is characterized.

Keywords: rural residents, human capital, social ka-fed, reproduction of social capital, social-cultural space, solidarity and social solidarity, social relations, social services to the population

Актуальность исследования определяется значимостью феномена социального капитала как важнейшего социального ресурса личности и группы в нестабильном обществе; наличием комплекса проблем его формирования и воспроизводства сельским населением современной России; необходимостью теоретической разработки технологий создания благоприятных условий для формирования и воспроизводства социального капитала селян на основе концептуального анализа и прогнозирования перспектив данного процесса в будущем.

Цель исследования – концептуальное обоснование процесса формирования и воспроизводства социального капитала сельского населения в нестабильной среде.

Результаты исследования и их обсуждение

Российское село переживает очередной кризисный период в своем развитии. Одна-

ко на этот раз он затрагивает не только социально-экономические отношения, но базисные ценности и традиционные связи, веками определявшие отношения между людьми и, прежде всего, проявляется как кризис взаимного доверия, нарастание массового социального дезертирства, заключающегося в отказе выполнять детерминированные статусом роли. По мнению белгородских авторов В.П. Бабинцева и Е.В. Реутова, для региональных пространств, как и для России в целом, становится все более типичной ситуация «распада связи времен», характерными чертами которой являются:

– дискредитация общественно значимых, консолидирующих идей, ориентация практически каждой статусной группы на свою «особую правду»;

– аномальная композиция индивидуального и общественного сознания, в котором одновременно представлены и уживаются противоположные по своей

направленности установки, ориентации и идеи;

- социальное дезертирство;
- алогичность социального мышления, доводимая в своих крайних формах до легитимации абсурда;
- тотальная негативная саморефлексия и самооценка, проявляющаяся в типично мазохистском унижении собственной истории, культуры, в отрицании социальной перспективы;
- пониженная реакция на внешние факторы, в том числе и на те, что непосредственно влияют на качество жизни, массовая общественная апатия и равнодушие;
- идеологическая виктимность, выражающаяся в потенциальной готовности стать жертвой обмана, объектом беззащитного манипулирования сознанием;
- социальная сервильность, главным признаком которой является готовность человека услужить «сильным мира сего», даже если подобное служение противоречит нормам права и морали, не соответствует общественному интересу [1].

В результате радикальных изменений социокультурного контекста происходит разрушение социального капитала, который во все времена воплощал реальные потенциальные возможности сельских жителей, используемые ими для повышения качества собственной жизни и жизни всего общества и формирующиеся как следствие включения человека в прочные коллективистские связи, установления и выполнения взаимных обязательств между гражданами, укрепления между ними отношений ответственности и сотрудничества. Объем социального капитала сельского сообщества прямо зависел от степени взаимной поддержки, сотрудничества и доверия его граждан друг к другу. Чем выше был этот уровень, тем большими ресурсами обладал его носитель.

П. Бурдьё, как известно, определял социальный капитал как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний» [18]. Его видение сосредоточено на пользе, которую индивиды накапливают, постоянно участвуя в группах с целью создания некоторого ресурса. «Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности» [19]. Допустимо утверждать, что солидарность, в свою очередь, стимулирует воспроизводство постоянного социального капитала. В стабильном социуме оно носит расширенный характер и увеличивает коли-

чество и качество социальных коммуникаций участников.

Проблема социального капитала тесно связана с проблемой человеческого капитала. В настоящее время он обычно рассматривается как «наиболее ценный актив государства, включающий результаты будущей созидательной деятельности, использование человеком накопленных знаний, умений и навыков, полученных в процессе обучения и практической работе» [17]. Однако мы полагаем, что такой подход не учитывает всех аспектов проблемы. Значительная часть человеческого капитала формируется за пределами трудовой и образовательной деятельности людей, в процессе непосредственного общения. Человеческий капитал личности создается и воспроизводится не только в результате формальных, но и неформальных связей и отношений, в значительной мере детерминированных социокультурными традициями и специфической ментальностью участников. И в данном отношении он является одной из производных качества социального капитала, оказывая, в свою очередь, на последний обратное влияние. Поэтому любые стратегии, ориентированные на развитие человеческого капитала села, не должны игнорировать социокультурный аспект проблемы, связанный с самоорганизацией и саморегулированием сельской территориальной общины.

В условиях России, для которой органичными являлись общинные традиции самоорганизации сельского сообщества, воспроизводство социального капитала значило особенно много, поскольку объем его определял потенциал человека, его возможности достижения жизненного успеха и реализации жизненной стратегии. Социальный капитал выступал в качестве одной из ключевых ценностно-смысловых единиц субкультуры села, представлявшей собой ценностный локальный мир крестьян, отличающийся от базовой – «большой», «материнской» – культуры и находящий свое выражение в индивидуальных и коллективных стереотипах поведения и их деятельности, воплощенных в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; подсистемах стилей и стилового поведения; групповых формах культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства [2].

В хронотопе сельского социокультурного пространства осуществлялся постоянный и системный процесс воспроизводства социального капитала, представляющий собой основанную на преемственности культурных традиций трансляцию устойчивых

связей и зависимостей, интегрирующих человека в состав сравнительно однородного сообщества, обеспечивающих ему взаимопонимание и поддержку, но одновременно формулирующих комплекс обязательств и правил повседневного поведения.

Однако социальные процессы XX и начала XXI столетий фактически уничтожили основы сельской солидарности, и их негативное влияние продолжает сохраняться до настоящего времени. На протяжении практически ста лет процесс их деструкции развивался последовательно, прерываясь относительно короткими периодами социальной стабильности. Особенно активно он идет в настоящее время в ситуации культурно-цивилизационного кризиса, затронувшего в числе первых объектов социокультурное пространство села.

Наиболее характерными чертами социокультурного пространства современного российского села, оказывающими деструктивное воздействие на процесс воспроизводства социального капитала, являются следующие:

– значительное социальное расслоение селян, выражающееся в выделении в их среде сравнительно небольшой группы относительно успешно адаптировавшихся к социально-экономической ситуации граждан, составляющих современную сельскую элиту; части работников, непосредственно обслуживающих интересы элиты и основной массы – представители которой существуют на грани выживания. Показательно, что в ходе проведенного нами исследования проблемам отношений между людьми на селе в Белгородской области (2012 год) [7], 48,94% экспертов заявили, что на селе ухудшились отношения в трудовых коллективах, а также между соседями; 21,28% – между родственниками; 42,55% – между властью и населением. Среди причин вызывающих ухудшение отношений, в качестве главной причины 46,81% экспертов указали именно социальное расслоение, кроме того, 25,53% назвали такой причиной бедность (табл. 1).

Довольно очевидно, что в настоящее время в результате процесса социальной дифференциации сформировались три главные страты: сельская элита, представляющая тех, кто сумел относительно успешно адаптироваться к ситуации; обслуживающие эту элиту работники и большинство жителей, балансирующих на грани выживания, относящихся к маргинальной части сообщества. При этом следует иметь в виду несколько обстоятельств. Во-первых, то, что в составе элиты все более представлены не коренные для сельского сообщества жители, для которых нетипично сакральное отношение

к местным традициям, и это является одной из причин как латентных, так и открытых конфликтов. Во-вторых, в условиях современного села формируется довольно мозаичный спектр субкультур, который накладывается на социально-экономические противоречия и дает своеобразный негативный эмерджентный эффект. Специалисты, в частности, выделяют в сельской местности культуру коренных жителей; культуру дачников и помещиков, культуру местных людей, находящихся в отходе и людей скрыто занятых [10]. Эти культурные миры зачастую не взаимодействуют друг с другом, что делает проблематичным полноценность формирования и воспроизводства социального капитала, придает этому процессу одномоментный характер;

Таблица 1

Распределение ответов населения на вопрос: «Каковы главные причины неудовлетворенности отношениями между людьми?»	Количество	
	абс.	%
Бедность	12	25,53%
Расслоение на богатых и бедных	22	46,81%
Общее падение нравов	12	25,53%
Разрушение традиций	9	19,15%
Неэффективность системы воспитания	6	12,77%
Негативное влияние средств массовой информации	7	14,89%
Распад коллективных хозяйств	10	21,28%
Появление большого числа мигрантов	3	6,38%
Распространение культа своекорыстия и эгоизма	4	8,51%
Кризис семьи	1	2,13%
Утрата консолидирующих ценностей	13	27,66%
Отсутствие справедливости	9	19,15%
Затрудняюсь ответить	1	2,13%
Не ответили	8	17,02%
Всего	47	100,00%

– дискредитация идеи социальной солидарности, которая всегда выступала в качестве скрепляющего сельский мир начала. О дефиците справедливости на селе уверенно заявляют респонденты. В частности, в ходе проведенного нами исследования. 32,24% из них заявили, что они постоянно сталкиваются с проявлениями несправедливости. Неудовлетворенный запрос на социальную справедливость в решающей степени предопределяет нарастание в среде селян социальной апатии и пассивности;

– разрушение инфраструктуры социальной сферы, что существенно ограничивает для сельских жителей возможности образования и культурного развития, следовательно, расширения собственного кругозора, шанса выйти за узкий горизонт повседневности и подняться от сугубо материальных потребностей и забот к духовным. Однако это, довольно часто фиксируемое обстоятельство будет неполным, если не учитывать, что разрушение инфраструктуры крайне негативно влияет на восприятие людьми своих жизненных перспектив, как перспектив, реализуемых в рамках социума, совместно с другими людьми, в коллективе. Деграция социальной сферы оборачивается крушением веры людей в возможности коллективистских (общинных) способов жизнедеятельности;

– постепенный переход от монокультурности к поликультурности сельского социума, прежде всего, под влиянием миграционным процессом. Село все более становится «местом встречи» различных этносов. Казалось бы, данное обстоятельство создает новые, не действующие ранее, предпосылки воспроизводства социальных связей, на что обращают внимание многие авторы. В частности, И.Я. Мурзина подчеркивает: «Региональную культуру можно рассматривать как особую общность: в ее поле сосуществуют как равнозначные и равноценные элементы, свойственные различным национальным культурам и освоенные в ходе межэтнической коммуникации на определенной территории. Региональная культура становится, таким образом, интегратором этнически разнородных элементов, реализуя на практике модель поликультурного единства. Она становится тем «адаптивным механизмом», который объединяет национальные и наднациональные ценности, обеспечивая идентификацию россиянина». Но в условиях, когда личность все более, как правило, вынужденно «концентрируется» на материальном, межкультурные связи превращаются в фикцию;

– нестабильность, проявляющаяся в комплексе рисков и угроз, превращающая село в наиболее типичный сегмент общества риска, в котором он становится «имманентной частью взаимодействия индивидов и групп» [5]. Более того, можно утверждать, что ощущение риска превращается в постоянный фактор, характеризующий индивидуальное бытие большинства людей, оказывающий огромное и пока мало изученное влияние на их самоопределение и самореализацию. Ощущение риска побуждает людей к отказу от прочных связей, разрушая веру в возможность обретения

помощи и поддержки референтного окружения в критических ситуациях;

– девальвация коллективистских ценностей, на которые обычно опиралось массовое сознание сельских жителей. Чаще всего данную тенденцию рассматривают как один из неизбежных результатов социально-экономического кризиса. Так, В.Г. Новиков К.К. Ясулова пишут: «Анализ статистики показывает, что социально-экономический кризис в российской деревне как социально-территориальной подсистеме общества, в сельском хозяйстве, как материально-деятельностном основании ее бытия и агропромышленном комплексе как социально-экономической подсистеме общенационального хозяйства и стержне многогранной взаимосвязи деревни с городом породил резкое ухудшение демографической ситуации, снижение уровня и деграцию образа жизни сельского населения, его морально-нравственного состояния» [11]. Однако, на наш взгляд, недостаточно объяснения негативных процессов, характеризующих морально-нравственное состояние сельского социума только социально-экономическими причинами. Они, несомненно, оказывают деструктивное воздействие, но мораль и нравственность в значительной степени деградируют в силу некоей внутренней логики, определяющей специфической сознания ее индивидуальных носителей и – соответственно – сообщества, в которое эти носители объединяются.

Логика обстоятельств, несомненно, меняет установки и ориентации сельских жителей. Но такие изменения происходят, в том числе и потому, что люди внутренне готовы отвергать традиционные ценности и принимать новые воззрения. Эта внутренняя готовность детерминирована не только состоянием внешней среды, но и личными качествами субъекта. Деграция морали и нравственности в данном контексте выступает как следствие снижения регулирующего влияния, выражаясь словами И. Канта, великого нравственного закона в человеке.

Вследствие этих тенденций существенно нарушен процесс воспроизводства социального капитала села. Это выражается в том, что традиционные связи и отношения сельских жителей не играют конструктивной роли в самоорганизации социума, а новые связи и отношения не оказывают конструктивного влияния на самореализацию личности в рамках социально одобряемой жизненной стратегии.

Более того, за исключением семейно-родственных связей, все иные связи и отношения рассматриваются большей частью

сельских жителей как непрочные, не позволяющие надеяться на возможность апелляции к ним при решении как обычных, так чрезвычайных жизненных проблем. Показательно в данной связи, что доля респондентов, указавших различные группы сограждан в качестве контрагентов, на чью помощь они могут рассчитывать в трудных жизненных ситуациях, обычно не превышает 18 % (ссылка на друзей). На этом фоне выделяются только родственники, на которых надеются в данном случае 62,17 % участников опроса (табл. 2).

Вполне объясним в данном контексте низкий уровень доверия респондентов к окружающим. Они – опять-таки – испытывают его в основном к родственникам (63,82 %) и к друзьям (15,46 %).

Таким образом, допустимо утверждать, что социальные связи и отношения в сельском сообществе носят нестабильный, мозаичный характер, отличаются непрочностью и, в большинстве случаев, обесценены. Фактически эти связи могут рассматриваться как вариант нелинейной диссипативной системы, эволюция которой может интерпретироваться и прогнозироваться в рамках предложенной И. Пригожиным модели «порядка через флуктуации» объясняющей, что в неустойчивом мире малые причины порождают большие следствия [14].

Таблица 2

На чью помощь Вы чаще всего можете рассчитывать в трудных жизненных ситуациях?	Количество	
	абс.	%
Соседи	42	6,91 %
Родственники	378	62,17 %
Друзья	106	17,43 %
Коллеги по работе	14	2,30 %
Единоверцы	3	0,49 %
Политические партии, общественные организации	2	0,33 %
Криминальные структуры	9	1,48 %
Органы власти	8	1,32 %
СМИ	7	1,15 %
Люди своей национальности	6	0,99 %
Члены социальных сетей в Интернет	9	1,48 %
Правоохранительные органы	–	–
Затрудняюсь ответить	8	1,32 %
На себя	6	0,99 %
Бог	1	0,16 %
Любимый человек	3	0,49 %
Не ответили	6	0,99 %
Всего	608	100,00 %

Если рассматривать эволюцию российского села, то мы с очевидностью констатируем наличие такой ситуации. В глобальном плане она является следствием воздействия типичного для России общества некалькулируемого риска, представляющего собой один из инвариантов «смутного времени». Н.Л. Смакотина подчеркивает: «Смутное время, переживаемое российским обществом, характеризуется не только разрушением привычного образа жизни всех социальных слоев общества, возникновением идеологического и морального вакуума, но кардинальным изменением статуса самой реальности: экономической, политической, социальной. Она уже не выглядит закономерно развивающейся, преемственной связью с прошлым опытом, традициями, привычками и становится приблизительной, необязательной, неопределенной, лишенной внутренних и внешних гарантов» [15].

Одновременно, как уже отмечалось выше, в рамках самого сельского социума действует комплекс внутренних причин, дополнительно осложняющих формирование и воспроизводство социального капитала. Этот процесс в ходе своей эволюции сталкивается с барьерами, определяющимися неблагоприятной комбинацией внутренних и внешних обстоятельств.

В сложившихся условиях вполне естественно актуализируется вопрос о возможности наращивания социального капитала села на основе возвращения к идее солидарности. Очевидно, что решение данной задачи представляет исключительную сложность, хотя бы потому, что хаотические системы с большим трудом поддаются управлению. Кроме того, возможности управленческого воздействия ограничены в силу ряда причин:

– разрыв культурной традиции на селе не позволяет использовать исторически сформировавшиеся «образы солидарности» в качестве эталонных образцов поведения;

– утверждение в массовом сознании философии и психологии индивидуализма искусственно разобщает людей, а хроническая бедность большинства сельского населения девальвирует большинство духовных ценностей, в том числе и ценности взаимопонимания, сотрудничества, дружбы, товарищества;

– взаимное отчуждение власти и населения сводит к минимуму возможности диалога и достижения консенсуса между ними, а потому следует ожидать, что презентуемая от имени власти идея солидарности будет воспринята как очередная имитация, форма социального обмана, тем более, что существуют реальные сомнения в перспективности отстаивания солидаристских

концепций в социально дифференцированном социуме;

– широкое распространение социальных девиаций ставит под сомнение возможность существования социальных норм, порождая и усиливая ситуацию социальной аномии;

– осуществлявшаяся в течение длительного времени неадекватная характеру проблем и перспективному целям развития села социальная политика ведет к распространению пессимизма сельских жителей относительно возможностей существенно улучшения в перспективе их жизненных условий.

Солидарность в течение длительного исторического периода была одним из основных принципов самоорганизации сельского общества. Крестьянское мироощущение базировалось на идее общности, логическими следствиями которой были постоянная взаимная поддержка, сотрудничество, готовность и способность к диалогу. Основанная на крестьянской культуре российская (в сущности, русская, православно-христианская) цивилизация превращала страну в единый организм, который был первичен по отношению ко всем реально существующим социальным противоречиям и конфликтам. И. Ильин писал: «Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственный слаженный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопониманием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национальными младшими братьями духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, показавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому вселенского мира и равновесия» [6].

Солидарность, под которой следует понимать духовную и предметную практику взаимоотношений сограждан, выражающуюся в деятельном сочувствии интересам, мнениям сограждан, коллег, близких людей, единодушии с ними, представляла собой основу социального капитала селян. Сегодня с утратой традиций солидарности рвутся межличностные связи, начиная с семьи и заканчивая взаимоотношениями человека и государства.

В значительной мере это результат сознательной ультралиберальной политики,

акцент в которой сделан на вестернизацию российского социума путем принудительного внедрения в массовое сознание ценностей западной (индустриальной) цивилизации. К ним относятся: взгляд на человека как на деятельностное существо, рационализм, установка на инновации и прогресс, понимание власти не только как власти над человеком, но и над другими объектами [16]. К числу этих ценностей сегодня добавляются ценности эффективного (то есть обеспечивающего достижение запланированного результата) знания [12], технологий, особенно информационных. Они и находят свое концентрированное воплощение в идее технологической модернизации, вызывающей все больший интерес в конце XX века в качестве альтернативы неоклассической парадигме развития [3].

Несмотря на очевидный кризис ультралиберализма, в России его позиции остаются доминирующими, одним из следствий чего и является системный распад сельского мира. Ситуация осложнилась настолько, что даже простые упоминания о солидарности и взаимной лояльности считаются почти неприличными и выступают основанием для обвинений использующих их авторов в утопизме. Безусловно, элемент фантастичности в этом имеется, если объективно оценивать ситуацию в обществе в целом. Так, в ходе мониторинга оценки эффективности деятельности органов власти и управления Белгородской области по методике «Роза качества» в 2009 году выяснилось, что 22% белгородцев убеждены: в обществе стало меньше доверия; 33% – меньше справедливости; 31% – больше жестокости; 45% – больше безразличия. При этом 39% постоянно сталкиваются с безразличием по отношению к себе, 33% – с проявлениями лжи [9]. Довольно естественной реакцией на эти явления выступает распространение социальных аддикций. Так в ходе исследования общественного мнения сельских мужчин в 2009 году [8], проведенного этим же коллективом авторов, было установлено, что доля респондентов, систематически употребляющих спиртные напитки, в общей численности опрошенных мужчин от 20 до 40 лет, существенно превысила стартовое значение («не более 40%») и составила 49,30% (в 2009 году этот показатель был равен 38,1%).

Тем не менее, политика возрождения сельской солидарности не имеет разумной альтернативы. Отказ от нее под предлогом исключительной трудности решения задачи равносильна установке на крах сельского социума, особенно вероятный в условиях обострения глобальной конкуренции производителей сельскохозяйственной продукции.

Именно поэтому необходим комплекс мер, обеспечивающих возврат к традициям солидарности (социетальности) и воспроизводства социального капитала современного крестьянства. К ним относятся:

– приоритетное развитие сельского социального кластера и последовательное улучшение условий жизни селян. При этом социальный кластер представляет собой интеграцию учреждений и организаций социальной сферы независимо от организационно-правовых форм и форм собственности на основе стратегии социального развития, единых нормативов и стандартов и применения инновационных информационно-коммуникационных технологий. Это сложная и многоуровневая, внутренне дифференцированная открытая система, посредством которой формируется благоприятная социокультурная среда и предоставляются социальные услуги населению [13];

– возрождение позитивных традиций соседской сельской общины, к числу которых относятся взаимопомощь, благотворительность, попечительство лиц, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, коллективное участие в решении форс-мажорных жизненных проблем;

– стимулирование честного производительного труда, организованного в рамках различных артельных форм, разумеется, с учетом современных реалий;

– обеспечение участия населения в оценке эффективности и безопасности государственного и муниципального управления и принятии на основе такой оценки организационных решений;

– поощрение создания общественных формирований, отказ от попыток манипулирования ими и от образования «псевдообъединений»;

– проведение реальных антикоррупционных мероприятий под общественным контролем; при этом общественности должна быть доступна информация о результатах данной деятельности;

– развитие интеллектуального потенциала села на основе модернизации системы образования, интенсификации информационного и межличностного взаимодействия.

Особая роль отводится сегодня формированию позитивно ориентированных социальных сетей, интегрированных в процесс социально-экономического развития. Сетевые формы самоорганизации должны применяться для выстраивания конкурентоспособных экономических структур (банковских систем, кредитных союзов, страховых обществ).

Выводы

Для реализации этих и других мер необходима, прежде всего, политическая воля руководства страны и субъектов РФ. Кроме того, крайне важно воссоздать конструктивно мыслящую сельскую элиту, которая на примере собственных жизненных стандартов будет возрождать традиции крестьянской солидарности, благотворительности и справедливости.

Очевидно, следует учитывать, что конструкция сельской солидарности может быть выстроена только «снизу», начиная с семьи и соседской общины. Именно здесь должны формироваться социальные сети, необходимым условием формирования которых, с точки зрения М. Грановеттера и других социологов, в первую очередь, является доверие между участниками, развитые межличностные отношения [6]. И именно на этом уровне, в первую очередь, должен создаваться и воспроизводиться социальный капитал сельского сообщества.

Работа по его воспроизводству должна превратиться в одно из приоритетных направлений деятельности региональной и муниципальной власти, несмотря на всю ее сложность и непредсказуемость результатов.

Список литературы

1. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Формирование регионального солидарного общества как управленческая проблема // Белгородское солидарное общество. – 2012. – № 1. – С. 61.
2. В основе предложенного определения лежит концепция субкультуры, представленная в диссертационном исследовании О.Н. Римской – Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий: дис. ... канд. филос. наук. 09.00.14. – Тула, 2011.
3. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М., 1993; Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. – М., 2008; Львов Д.С., Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М., 1992; Дементьев В.Е. Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри. – М., 2009; Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М., 2011; Беляева Л.М. Социальная модернизация в России конца XX века. – М., 1997.
4. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. VII. – № 1.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. – М., 2008. – С. 44.
6. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. – М., 1992. – Т. 1. – С. 254.
7. Исследование включало в себя опрос сельских жителей (608 респондентов); студентов, обучающихся в аграрном вузе (410 респондентов) и экспертный опрос (47 экспертов, в качестве которых выступали государственные и муниципальные служащие, ученые и журналисты).
8. Исследование включало в себя опрос сельских мужчин в возрасте 20–40 лет (n = 1000).

9. Исследование проведено специалистами Белгородского государственного национального исследовательского университета (n = 6800).

10. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения попытка описания) / С.Г. Кордонский, Ю.М. Плюснин, Ю.А. Крашенинникова, А.Р. Тукаева, А.М. Моргунова, Д.Э. Ахунув, Д.В. Бойков // Мир России. – 2011. – № 1. – С. 11.

11. Новиков В.Г., Ясулова К.К. Сельская молодежь в агросфере России: проблемность формирования кадрового потенциала // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 1. – С. 144.

12. Отметим, что, по мнению Ж. Лиотара, в современных условиях любое производство знания и образовательная деятельность приобретают смысл в отношении их востребованности и эффективности. См.: Lyotard J.F. Political Writings. University of Minnesota Press. 1993.

13. Перспективность внедрения кластерных технологий в процесс управления отмечают многие исследователи. Так, В.П. Бабинцев и В.М. Захаров полагают, что оно является одним из условий повышения эффективности организации управленческих процессов на уровне региона, а их применение предполагает рассматривать основные составляющие регионального управления – государственную, муниципальную, хозяйственную и общественно-политическую как единую систему (самостоятельный кластер), целостность которой поддерживается общими целями, единством нормативной базы, кадровой ротацией. – Бабинцев В.П., Захаров В.М. Совершенствование институциональных оснований регионального управления в Белгородской области // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика». – 2008. – № 5(45). Вып. 7. – С. 190.

14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., 1986. – С. 269.

15. Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. – М., 2009. – С. 7.

16. Степин В.С. Россия в контексте глобальных цивилизационных перемен // Вторая научно-практическая конференция «Россия – XXI век». – М., 1999.

17. Тараканов В.П. Человеческий капитал как важнейший фактор инновационного развития // Качество образования, качество человеческого капитала, качество жизни. – М., 2012. – С. 150.

18. Bourdieu P. The Forms of Capital, in John Richardson, ed., Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. – New York, 1985. – P. 248.

19. Ibidem. P. 249.

References

1. Babintsev V.P., Reutov E.V. Formation of regional solidarity of society as a management issue // Belgorod united society. 2012. no. 1. pp. 61.

2. The basis of the proposed definition is the concept of subculture, the representation of a dissertation study, O.N. Rimskaya – Rimskaya, O.N. The phenomenology of religious subcultures. The dissertation ... The candidate. Philosophy. Science. 09.00.14. Tula, 2011.

3. Glazev S.Y. The theory of long-term technical and economic development. Moscow, 1993; Glazev S.Y. The capabilities and limitations of technical and economic development of Russia in terms of structural changes in the global economy. Moscow, 2008, Lviv D.S., Glazev S.Y., Fetisov G.G. The evolution of technical-economic systems: possibilities and limits of centralized regulation. Moscow, 1992; Dementev V.E. Long waves of economic development and financial bubbles. Moscow, 2009; Perez K. Technological revolutions and financial capital. The dynamics of bubbles and periods of prosperity. M., 2011; Belyaeva L.M. Social modernization in Russia in the late XX century. Moscow, 1997.

4. Granovetter, M. Economic institutions as social constructs: A Framework for Analysis // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2004. Vol. VII. no. 1.

5. Zubok U.A., Tchuprov V.I Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth. Moscow, 2008. pp. 44.

6. Ilyin I.A. Our task. Historical destiny and the future of Russia. Moscow, 1992. Vol. 1. pp. 254.

7. The study included a survey of rural residents (608 respondents), students enrolled in the agricultural high school (410 respondents) and an expert survey (47 experts, which were state and municipal officials, academics and journalists).

8. The study included a survey of rural men aged 20–40 years (n = 1000).

9. The study was conducted by specialists of the Belgorod State a national research university (n = 6800).

10. Kordonsky S.G., Plyusnin Y.M., Krashenninnikova J.A., Tukaeva A.R., Morgunova A.M., Ahunov D.E., Boykov D.V. Russian province and its inhabitants (the experience of observation attempt to describe) // World Russia, 2011. no. 1. pp. 11.

11. Novikov V.G., Yasulova K.K. Rural youth in the agrarian sector of Russia: problems completely formation of human resources // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2010. no. 1. pp. 144.

12. Note that, according to Lyotard, J., in the current circumstances, any pro-duction of knowledge and education activities make sense in relation to their demand and efficiency. See: Lyotard J.F. Political Writings. University of Minnesota Press. 1993.

13. The prospect of the introduction of cluster technology in the management of the project stage by many researchers. Thus, the V.P. Babintsev and V.M. Zakharov believe that it is one of the Xia-condition for improving the efficiency of the organization of administrative processes at the regional level, and their use involves the principal components of a Regional Management – state, municipal, economic and public-political but as a single system (separate cluster) whose integrity is maintained by common goals, the unity of the regulatory framework, personnel rotation. – Babintsev V.P., V.M. Zakharov Institutional foundations of the regional administration in the Belgorod region // Scientific Statement BSU. Series' history. Politology. Economy. 2008. no. 5 (45). MY. 7. pp. 190.

14. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos. Man's new dialogue with nature. Moscow, 1986. pp. 269.

15. Smakotina N.L. Principles of Sociology volatility and risk: the philosophical, sociological and socio-psychological aspects. Moscow, 2009. pp. 7.

16. Stepin V.S. Russia in the context of global civilizational changes // Second Scientific Conference «Russia – XXI century». Moscow, 1999.

17. Tarakanov V.P. Human capital as the most important factor of innovative development // The quality of education, quality of human capital, the quality of life. M., 2012. pp. 150.

18. Bourdieu P. The Forms of Capital, in John Richardson, ed., Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, 1985. pp. 248.

19. Ibidem. pp. 249.

Рецензенты:

Шаповалова И.С., д.соц.н., профессор, заведующая кафедрой «Социология и организация работы с молодежью», ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород;

Волкова О.А., д.соц.н., доцент, профессор кафедры социальной работы, ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород.

Работа поступила в редакцию 29.10.2013.